

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

РОЛЬ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

Без образования народа и развитой науки невозможно не только развитие страны, но и жизнь в динамично меняющемся мире. В отличие от прошлых веков, когда мировой прогресс в своём поступательном движении имел цикличность в 100 лет, сейчас этот цикл составляет около 10 лет.

Возникает вопрос: почему именно сейчас проводятся радикальные и, уточню, разрушительные реформы в российском образовании и науке? Полагаю, это делается не для того, чтобы дать ответ на вызов времени. Продолжается “великий поход против СССР”. Идёт окончательная зачистка постсоветского наследия. Некоторые руководители и общественные деятели стремятся до основания разрушить “империю зла”, которой в их понимании был Советский Союз.

Как результат – мы уже четверть века ходим по кругу всевозможных реформ. Результаты не радуют. Позволю себе подвести предварительные итоги, но вначале давайте обратимся к истории.

Большевики унаследовали страну в тяжёлой ситуации. На рубеже XIX–XX веков грамотность населения Российской империи составляла 21,1% (в том числе 29,8% – среди мужчин и 13,1% – среди женщин). По Сибири грамотность была 12%, а по Средней Азии – 5% от всего населения.

Новая власть понимала, что для построения социалистического общества, а также развития экономики, в первую очередь – промышленности, нужен грамотный народ.

Начало преобразованиям положил декрет Совнаркома, принятый в декабре 1919 года: “О ликвидации безграмотности в РСФСР”. По этому декрету все представители населения Советской России в возрасте от 8 до 50 лет должны были стать грамотными, если они таковыми не были, и изучать грамоту на родном или русском языке (по желанию).

Работа по ликвидации безграмотности, в первую очередь, среди взрослого населения, велась через так называемые “ликбезы”. Осенью 1923 года было создано Всероссийское добровольное общество “Долой неграмотность”.

Особое внимание уделялось беспризорным детям. В РСФСР в 1921 году их насчитывалось 4,5 млн, а в целом по СССР в 1922 году – до 7 млн.

В январе 1921 года была создана “Деткомиссия ВЦИК” во главе с Ф. Дзержинским. Благодаря принятым мерам, уже к началу 1928 года в СССР количе-

ство беспризорных детей сократилось до 300 тысяч. А в 1935 году было заявлено, что массовая беспризорность в стране ликвидирована.

Всего в 1917–1927 годы было обучено грамоте 10 млн взрослых людей. Стартовый уровень обучения в школах был весьма низок. Так, по данным 1920 года, в школах училось всего около 7,3 млн человек, при этом в европейской части Советской России посещали её менее 59% детей в возрасте 8–12 лет (старше 12 лет – и того менее).

Введение всеобщего начального обучения в 1930 году создавало гарантии распространения грамотности. К 1936 году было обучено около 40 млн неграмотных людей. По данным переписи 1939 года, грамотность лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90%.

Особо следует отметить подготовку к получению высшего образования. В революции и гражданской войне было потеряно много лиц с высшим образованием. Советские руководители понимали, что стране требуется большое количество специалистов, к тому же было недоверие к “старым специалистам”. В этих условиях требовалось организовать получение высшего образования рабочими и крестьянами. Но существовавшая безграмотность не позволяла этого сделать.

В августе 1918 года правительством РСФСР был издан декрет о правилах приёма в вузы, который предоставил трудящимся право поступать в высшую школу без экзаменов.

Новые правила привлекли в вузы большое число рабочих и крестьян, но уровень общеобразовательной подготовки был настолько низким, что высшее образование всё равно оказалось для них недоступным. С учётом этого в сентябре 1919 года было принято постановление “Об организации рабочих факультетов”. Обучение на дневном отделении рабочего факультета было приравнено к работе на производстве (то есть срок обучения засчитывался в трудовой стаж); слушатели обеспечивались государственными стипендиями. В 1921/1922 учебном году на дневных рабфаках был установлен трёхлетний срок обучения, на вечерних – четырёхлетний. В 1925/26 учебном году около 40% мест при приёме в вузы было занято выпускниками рабфаков. В 1930 году в РСФСР было 117 рабфаков (69 дневных и 48 вечерних), где обучались 44 930 студентов. К 1932/1933 учебному году в СССР работало уже более 1000 рабфаков, где обучалось около 350 тысяч человек.

С годами всё большее значение получали вечерние рабфаки, “где студенты не отрываются от производства, от рабочей среды, оставаясь связанными с производственной, общественно-политической, профессиональной жизнью своего завода, фабрики. Это преимущество вечерних рабфаков делало их более доступными для рабочих и обеспечивало дальнейшее развитие их, тогда как дневные рабфаки утрачивали своё значение по мере того, как дети рабочих и крестьян получали в 7–9-летних школах образование, достаточное для поступления в вузы”.

К середине 30-х годов, благодаря повсеместному получению среднего образования в СССР, потребность в рабфаках стала отпадать, и они были упразднены.

Подготовка кадров с высшим образованием через рабфаки, которые компенсировали общий низкий образовательный уровень, позволила создать инженерную и научную элиту страны, вошедшую в её историю, – это выдающиеся директора, конструкторы, учёные. Многие из них “прошли” через рабфаки.

Так решало проблему подготовки высшего образования советское руководство. Это было весьма актуально, так как без специалистов было невозможно развивать страну на новых принципах.

Хотелось бы ещё остановиться на подготовке кадров и получении знаний в системе технических училищ (ПТУ). Перед Великой Отечественной войной, в разгар индустриализации страны требовалось большое количество образованных рабочих. Приход людей из деревни не мог решить производственные проблемы, так как у них был очень низкий образовательный уровень.

Создание перед войной ремесленных училищ дало возможность массе молодых людей получить специальность и повысить образование. Эти рабочие кадры работали в войну на производствах. Их вклад в Победу велик. В послевоенный период эта система подготовки рабочих кадров совершенствовалась, и в стране долго существовал Комитет трудовых резервов.

В постсоветское время подготовка кадров через систему ПТУ была практически предана забвению. Шаг за шагом шло наступление на этот вид обучения. Не говоря уж о какой-либо федеральной структуре, все ПТУ, кроме системы “Росатома”, были переданы регионам страны. Соответственно никакой координации в этом вопросе теперь не предусматривалось. Вот и получается, что подавляющая часть училищ стала готовить парикмахеров, визажистов, кондитеров, хотя доски объявлений по-прежнему пестрят информацией: “Требуется слесарь, токарь...” Но где же их взять?

Президент страны провозглашает, что нам требуется новая индустриализация и создание 25 миллионов высокотехнологических рабочих мест. И это правильно. Не может же быть Россия вечно (пока хватает нефти) сырьевой страной?.. К тому же надо иметь в виду, что подавляющая часть учащихся ПТУ – это дети из бедных или неблагополучных семей. В училище их всё-таки кормят, приучают к дисциплине, обучают профессии, спасая от времяпрепровождения в подворотне и различных юношеских соблазнов.

Вот этим вопросом и надо бы заняться Министерству труда и социальной защиты, поскольку название этого органа как раз и обязывает к этому. Я прекрасно понимаю, что диктовать училищам их профессиональные направления – это дело нереальное. Но знать баланс необходимых профессий они обязаны. Возьмём такую демократическую и “рыночную” страну, как Германия. Пунктуальные немцы не диктуют, где и сколько профессий требуется для того или иного конкретного производства. Но в целом по стране они знают потребность в той или иной профессии и сегодня, и завтра, и послезавтра. Не случайно у них подготовкой и переподготовкой сварщиков занимаются 600 организаций, а немцы в силу своей дотошности *просто так* ни за что бы не дали деньги этим центрам.

Нашему Министерству труда и соцзащиты следовало бы подумать над системой финансирования подготовки рабочих кадров. Иметь училища при заводах возможно только на крупных предприятиях, остальные живут *на подножном корме*. За рубежом уже много лет понимают, что в рыночных условиях подготовка таких кадров должна иметь свои особенности.

Кадры нужны всем, но можно ли предположить, что мелкий и средний бизнес будут создавать свои школы для подготовки рабочих? Конечно, нет. Рабочие же требуются всегда. Учитывая это, государство на Западе ввело “налог на профессию”: фирма, большая или маленькая, работающая постоянно, обязана отчислить определённую небольшую долю от своей прибыли на эти цели.

В своё время мы вносили эти предложения в правительство страны. В Министерстве образования нас выслушали и одобрительно отнеслись к ним. Времени прошло много, *а воз и ныне там!*

Реформаторский зуд охватил в последнее время все уровни образования. Складывается впечатление, что наше образование было весьма неэффективным и примитивным, а внедрённая по западному образцу и подобию система выведет его, наконец, на новый уровень. Я же полагаю, что всё происходит наоборот. Западу не нужна образованная Россия, у него есть другие долгосрочные цели и задачи. Вот для этих целей Россия и должна стать малообразованной.

За 20 лет Советской власти (1920–1940) в стране была ликвидирована безграмотность населения. И это делалось в годы разрухи экономики, спешной индустриализации, военных конфликтов и т. д. В это время каждый рубль был на счету, тем не менее была осуществлена эта крупномасштабная операция. В наше 20-летие, прошедшее с 1992-го по 2012 годы, мы стремительно катились к малообразованности, имея при этом прекрасную образовательную систему, унаследованную от СССР.

На мой взгляд, в последние 10–15 лет это всё делается сознательно. Меняются министры науки и образования, от каждого из них люди ждут положительных решений, но каждый последующий министр оказывается еще “лиричнее” предыдущего.

В войне бывают главные удары. Так и в области образования и науки у нас сформировалось и осуществляется три главных удара: удар по школам, удар по высшим учебным заведениям и, наконец, удар по науке.

В 2012 году был принят Закон об образовании в Российской Федерации. Этот Закон напоминает слова небыизвестного В. Черномырдина: “Ну, никогда такого не было – и опять то же самое!”

Закон готовился 10 лет, с 2003 года. Положительным в этом законе является повышение зарплат в отрасли до средней зарплаты региона, так как она составляла всего лишь 70%. В Законе намечается ряд положений, которые на бумаге вроде выглядят хорошо, а на деле... К числу серьёзных недостатков надо отнести *идеологию услуг*. Даже президент В. В. Путин в своем послании Парламенту страны подчеркнул, что образование – **это не услуга**.

Творчески работающие педагоги неоднократно заявляли, что теория услуг разрушит духовное содержание образования, и даже приравнивали себя в этой ситуации к чистильщикам сапог и уборщикам мусора.

Особую тревогу вызывает положение, что вопрос закрытия сельских школ вместо сельского схода будет решать специальная комиссия. По-видимому, такую комиссию легче “уломать”, чем сельское собрание. Их даже не останавливает то, что из-за отсутствия школ оказались стёртыми с лица земли многие деревни и сёла. Ещё в старые времена было известно, что село живёт, пока в нём есть учитель, священник и фельдшер.

Я полагаю, что дальше анализировать этот закон нет смысла. Не зря он готовился 10 лет! Закончить разговор о реформировании школы хотелось бы исполненными горечи словами одного кубанского преподавателя: “Дети, уходите из школы – не мешайте реализовывать новый закон об образовании!”

Этим же законом приняты новации и в высшем образовании. Закон приведёт к тому, что через 5 лет число бюджетных мест для студентов в России сократится, по меньшей мере, на 700 тысяч, а их количество в расчёте на 10 тысяч населения составит уже не 170, а только 125. Расходы же государства на образование в 2013–2015 годах сократятся с 4,8% до 4,1% расходной части госбюджета.

Несколько слов о высшей школе. Говоря о высшем образовании, следует подчеркнуть, что количество высших учебных заведений превосходит разумные пределы. По-видимому, стоило бы разобраться, кто, где и по какой причине даёт им соответствующие лицензии.

Положительным явлением последних лет является широкое стремление молодёжи получать высшее образование. Лихие 1990-е, когда людьми, далеко стоящими от образованности, в течение одного дня сколачивались огромнейшие состояния, прошли. И люди это поняли.

Блиц-реформы обрушились на высшие учебные заведения. Срочно стала проводиться аттестация высших учебных заведений. Может быть, и требовалось это сделать, но делать это надо было постепенно и вдумчиво, а не проводить очередную кампанию. При этом оценочную систему разработала придворная Высшая школа экономики (ВШЭ), как будто не существует государственной академии образования! Поэтому не случайно, что среди так называемых неперспективных вузов преобладают гуманитарные: 30 педагогических, 17 институтов культуры и т. д.

* * *

Говоря о прогрессе в стране, есть необходимость ещё остановиться на развитии науки. Роль науки была всегда определяющей в жизни государства как в социально-экономическом плане, так и в интеллектуальной жизни общества.

В истории человечества были периоды застоя в науке и гигантские всплески её развития. Каждый этот период, естественно, отражался на уровне развития государства и общества. И тому примеров много.

Я не ставлю перед собой задачу давать подробный анализ состояния науки разных стран мира на разных этапах их жизни. Моя задача показать её роль в жизни России.

2013 год ознаменовался двумя событиями в жизни академического сообщества. Это 150-летие великого русского учёного и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского и неожиданное принятие закона о реформировании Российской Академии наук (РАН). Позволю себе остановиться на некоторых этапах развития науки в нашей стране.

Сложными для отечественной науки оказались 1930-е годы. В СССР разворачивались масштабные исследовательские программы, создавались новые научно-исследовательские институты. В частности, в 1934 году С. И. Вавилов основал Физический институт АН им. П. Н. Лебедева, тогда же был со-

здан Институт органической химии в Москве. П. Л. Капица создал Институт физических проблем, а в 1937 году был создан Институт геофизики. Продолжали свою работу физиолог И. П. Павлов, селекционер И. В. Мичурин. Результатом работы советских учёных стали многочисленные открытия как в фундаментальных, так и в прикладных областях знания. Возрождались историческая наука, возобновилось преподавание истории в средней и высшей школе, был создан научно-исследовательский Институт истории при АН СССР.

В то же время постоянное администрирование в науке привело к тому, что многие перспективные направления исследований (например, генетика, кибернетика) по произволу некомпетентных партийных функционеров были заморожены на долгие годы. В обстановке всеобщего доноительства и набирающих размах репрессий академические дискуссии часто заканчивались расправой, когда один из оппонентов, будучи обвинён в политической неблагонадёжности, не просто лишался возможности работать, но подвергался преследованиям. Подобная участь была уготована многим представителям интеллигенции.

Жертвами репрессий стали такие видные учёные, как биолог, основоположник советской генетики академик и президент ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов, учёный и конструктор ракетной техники, в будущем академик и дважды Герой Социалистического Труда С. П. Королёв и многие другие.

И тем не менее, советская наука сделала СССР великой державой, где трудились миллионы образованных людей. Неоценима их роль в развитии нашего государства.

В Советском Союзе наука и научно-технический прогресс были делом государственным. Свыше 95% финансирования научной деятельности осуществлялось через государственный бюджет. В конце 1980-х годов в сфере науки работали 4,4 млн человек, в том числе 542 тыс. докторов и кандидатов наук.

Ежегодно регистрировалось 80–85 тыс. изобретений. В 1990 году затраты на НИОКР составили 35,2 млрд рублей, или 5% производственного национального дохода, или 3,5% ВВП. По этому показателю СССР превышал все страны, в том числе и с рыночной экономикой, хотя и уступал США по абсолютной величине затрат. В то же время СССР превышал уровень США по годовому выпуску и общей численности инженеров, занятых в народном хозяйстве, что является важной чертой научно-технического потенциала любой страны.

В целом СССР занимал второе место в мире (после США) по научно-техническому потенциалу. Он практически был ориентирован на исследования по всем направлениям знаний, но одновременно и на достижение военного превосходства (как и в США).

Наряду с огромнейшим вкладом науки в экономический и военный прогресс страны, в советской науке были и серьёзные недостатки. Главным недостатком было и, к сожалению, остаётся до сих пор отсутствие быстрого и эффективного использования достижений научно-технического прогресса в реальном секторе экономики, происходит своего рода разрыв между научными достижениями и их воплощением в жизнь. Конечно, это, в первую очередь, объяснялось существовавшей в то время жёсткой и всеобъемлющей плановой системой, где на первом месте был показатель объёмов производства продукции, а внедрение научных достижений не было органической потребностью производителя продукции и диктовалось, как правило, директивно. К сожалению, можно констатировать, что подобное положение сохранилось и сейчас, после 20-и лет рыночных реформ.

Пора бы прекратить бросать камни в советское прошлое, в этом деле сейчас преуспели многие, в том числе и руководители страны. Надо разобраться, почему сейчас наука совсем не востребована производством? Основная причина, на мой взгляд, кроется в том, что в стране основательно разрушена перерабатывающая промышленность, а для добычи сырья, нефти и газа не требуется большого числа научных разработок.

Полтора десятка лет тому назад автор этих строк имел беседу с одним из влиятельных американцев. При разговоре затронули вопрос развития науки в современном мире. На моё убеждение, что России как великой и суверенной державе нужна сильная и эффективная наука, он с некоторым сарказмом заявил, что я ошибаюсь: «России не надо тратить деньги на науку, мы вам дадим для жизни все товары и продукты, вы же нам поставляйте нефть, газ, руду и другие полезные ископаемые, которыми Бог наградил вас».

Предлагаемое “сотрудничество” напоминает “эквивалентный обмен” с дикарями, когда стеклянные бусы меняли на золотой песок и самородки. Современная Россия унаследовала 70% научно-технического потенциала бывшего СССР. По данным статистики, в 2001 году в стране насчитывалось 4 тыс. научных учреждений, в том числе 2677 исследовательских институтов, 289 конструкторских бюро. Число занятых в НИОКР составляло 886 тыс. человек, или почти вдвое меньше, чем в 1990 году. Удельный вес этого персонала в общей численности людей, занятых в народном хозяйстве России, уменьшился с 2,5% в 1990 году до 1,4% в 2001 году. В настоящее время 13% учёных и специалистов работает в системе Академии наук, 79% – в различных научных организациях страны и 6% – в научных подразделениях вузов.

Говоря о развитии науки в современной России, следует без прикрас сказать, что она держится на осколках советской науки. Поэтому встаёт неловкий вопрос: на сколько времени хватит остатков советской науки для развития нашей страны и будет ли создана новая научная база современной России? Для того чтобы Россия могла занять достойное место в мире, а не быть сырьевым придатком развитых стран, потребуется в корне изменить создавшееся положение.

Следует также отметить, что, по экспертным оценкам, за рубежом работает 20 тысяч российских учёных на постоянной основе и 30 тысяч – по временным контрактам. Это люди, которые получили фундаментальное образование в нашем Отечестве и унесли из него не только знания, но и своё участие в модернизации страны. Для прекращения “утечки мозгов” требуются особые меры для изменения социальной и материальной базы науки в соответствии с современностью.

Наиболее изощрённой и жёсткой критике в 2013 году подверглась Российская академия наук (РАН). Говорили о низкой эффективности деятельности её институтов, оторванности от реальной действительности, клановости, даже о возрасте академиков...

Российская академия наук – уникальное явление в истории России, достоинство её состоит в том, что она многие годы аккумулирует фундаментальные научные разработки. Да, положение РАН в нашей стране в корне отличается от структуры научной деятельности в США, Англии, Германии. Они исторически развивались по иной модели. Там национальные академии являются своего рода “клубами” по интересам. Во многих научных центрах, институтах и лабораториях Академии наук СССР был высок уровень теоретических исследований, по которым страна имела мировое первенство, тогда как на Западе учёные такого уровня в основном были рассредоточены по разным университетам.

В то же время в головы обывателей вбиваются мысли, что РАН – это анахронизм, отстойник для великовозрастных учёных, деятельность которых направлена на сохранение достигнутых материальных благ и общественного положения.

Надо отдать должное РАН, что в прошедшие, особенно “лихие” 1990-е годы Академия сохранилась, она прошла через невероятные трудности, но не разрушилась, как это произошло с отраслевой наукой. И даже сейчас, получая примерно 22,8% научного бюджета, она производит 60% фундаментальной научной продукции.

Учитывая то, что отраслевая наука в ельцинское время практически прекратила своё существование, для её воссоздания потребуются теперь многие годы. Да и это произойдёт только в том случае, если будет проводиться структурная перестройка с упором на реальный сектор экономики, на что потребуются десятилетия. Академия должна будет восполнить этот научный пробел при проведении новой индустриализации страны и соответствующих социально-экономических преобразований.

На мой взгляд, яростные нападки на РАН преследуют две цели.

Первая – разрушить уникальную организацию учёных, лишив общество новых научных разработок, особенно в теоретическом направлении. Здесь Академия была сильна, и не её беда, что многие разработки не были востребованы реальной экономикой. Мой жизненный опыт показывает, что основной удар надо ожидать именно на особо важных научных направлениях – так было с космосом, атомной промышленностью... И никто и никогда не совершал таких нападков, например, на лёгкую промышленность.

Для оправдания таких действий была пущена в оборот мысль, что якобы только университетская наука способна решать все проблемы научно-технического прогресса страны.

Вторая – это приватизация имущества Академии, её земель и зданий, ведь такой жирный кусок висит перед носом, а “скушать” его не дают “консерваторы” из Академии.

В основе “разгрома” академической науки, как уже было сказано, лежит убеждение определённой части руководства страны, что наша академическая наука устарела и неэффективна. Они видят “свет в окошке” в развитии теоретической науки в университетах, то есть по образу и подобию западной науки. По-видимому, по этой проблеме необходимо дать историческую справку.

Почему российская наука пошла по пути сосредоточения науки в академических учреждениях, а не в университетах? Причины этого восходят ко времени создания Петром Великим Академии наук в 1724 году. Официально история Академии начинается с 1725 года – с издания императорского указа. В начале XVIII века университеты в Европе испытывали кризис. Они были схоластичны и чужды научным изысканиям. Передовые учёные того времени, прежде всего Лейбниц, создатель Берлинской академии наук, посоветовал Петру организовать Академию, а не университет. Лишь к середине XVIII века совершился переворот, когда наука стала проникать в средневековые европейские университеты. В дальнейшем это на века определило развитие европейской науки преимущественно на базе университетов.

Таким образом, в мире за столетия сформировалось две системы развития науки, и позволительно спросить у авторов проекта развития только “университетской” науки: сколько потребуется времени для реализации этого “проекта” вместо уже существующей Российской академии наук?.. Сто-двести лет... А промежуток будет чёрной дырой в теоретической науке?

Создание Российской академии наук 290 лет тому назад Петром I положило начало развитию науки в нашей стране. Великий М. В. Ломоносов был первым русским учёным с мировым именем. На протяжении трёх веков российская наука непрерывно совершенствовалась, занимая одно из первых мест в мире. Достаточно упомянуть имена Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, М. В. Келдыша, С. П. Королёва, И. В. Курчатова, А. П. Александрова... За столетие в нашей стране сформировались выдающиеся научные школы, их последователи работают во многих разделах мировой науки.

Таким образом, приходим к выводу, что **нынешние реформы науки направлены на внедрение в нашей стране англосаксонской системы, а если быть точнее – американской**. Ставится цель переориентировать российскую науку на американскую модель.

В то же время из американского опыта известно, что сочетание образовательного процесса и научных исследований в основном непродуктивно. К тому же исследования при серьёзном к ним отношении требуют полной отдачи, и преподавателям приходится сокращать время, отведённое на преподавание.

К примеру, А. Эйнштейн числился профессором Принстонского университета, но лекций не читал. Таким образом, связь между проведением исследований и обучением далеко не столь органична, как представляется ревнителям университетской формы организации науки.

Необходимо учесть и особенности американской системы. Основным источником финансирования обучения там является оплата самим учащимся или его родителями. Исследовательские работы не могут финансироваться за счёт этих средств, так как перекрёстное финансирование запрещено законом.

Поэтому исследовательская деятельность университетов осуществляется с помощью грантов. В эту систему влюблены наши реформаторы. Но чтобы осуществлялась грантовая поддержка науки, страна должна быть богатой и стабильной, а её граждане должны располагать значительными сбережениями, которые они могли бы направлять на благотворительные цели.

Наша страна имеет большое материальное расслоение, причём подавляющая часть населения еле сводит концы с концами. А богатые люди, в том числе и олигархи с их миллиардными (в долларах) состояниями, что-то не стоят в благотворительной очереди, им больше нравятся дворцы в Лондоне, сногшибательные виллы и яхты, а также яйца Фаберже.

Я не собираюсь останавливаться на теневых сторонах грантовой системы. Это, как правило, краткосрочность действия, большие сложности с решением крупных проблем, особенно в теоретической науке, и бюрократические препоны при оформлении и получении грантов, какими бы они ни были. Главным же вопросом является широкое внедрение результатов исследовательских работ. Отечественным ревнителям проекта “Сколково” следовало бы учесть, что во главу угла создания такого дорогостоящего проекта надо ставить то, как будут чувствовать себя исследователи в этом новоявленном “оазисе науки”, учитывая, что нет механизма использования их разработок в производстве. К сожалению, этих решений нет до сих пор.

Подводя итог рассуждений о замене академической, да и отраслевой науки университетской, можно сделать вывод, что науку загоняют в долгосрочный тупик. Не лучше ли было бы не разрушать нашу традиционную науку, а параллельно развивать университетскую?

Сегодняшняя ситуация не нова. В. И. Вернадский в “Очерках по истории Академии наук”, написанных в 1914–1916 годах, отмечает: “Всё время в течение столетий многим казались траты на Академию ненужной роскошью или прихотью... для оправдания её существования и затрат на неё в среде общества и правительственных кругах существовала тенденция переделать внедрённое в русскую жизнь новое дело не то в учебное заведение, не то в собрание придворных учёных вроде придворного оркестра или театра”.

Нападки на РАН, обвинения её во всех смертных грехах звучали и позже. Приведу только два примера. “Архитектор” перестройки А. Яковлев, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро, возвращённый из “ссылки” в Канаду (был послом СССР в Канаде) Горбачёвым и под его руководством стремительно прошедший все ступени партийного лидера, став ближайшим его советником, в своих разрушительных советах дошёл и до Академии наук СССР.

Будучи сам академиком, он направил Горбачёву письмо, в котором предлагал произвести “глубочайшие преобразования” в науке. Он предлагал фактически развалить её путем ликвидации общесоюзного органа по делам науки, полностью отделить науку от государства, ввести в среду науки рыночные механизмы, полностью отказаться от поддержки любых институтов, которые существовали за счёт государства.

Отпор тогда ему дал ныне покойный председатель Сибирского отделения Академии наук академик В. Коптюг. Он заявил, что такие предложения направлены на устранение такой мощной преграды, как “единое научное сообщество, представляющее собой огромную интеллектуальную силу, не позволяющую навязать России статус развивающейся страны”.

“Архитектор” Яковлев был не оригинален. Он практически повторил Н. Хрущёва, который 11 мая 1964 года вещал с трибуны Пленума ЦК КПСС: “... мы разгоним к чёртовой матери Академию наук, потому что Академия наук нам не нужна, потому что наука должна быть в отраслях производства”.

Можно понять Хрущёва – дремучего невежду и самодура, можно понять и ярого антисоветчика и разрушителя страны А. Яковлева, но как можно понять то, что и через 40, и через 25 лет подобные действия совершаются в современной России?

Безусловно, как любой организм, Академия нуждается в модернизации, приведении её деятельности в соответствие современным условиям. Но одно дело – модернизация, другое – разрушение структуры.

В связи с реформированием, а точнее сказать – с разрушением РАН вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на ситуации в стране, поскольку всё это получило освещение в СМИ.

29 июня 2013 года можно считать днём тяжелейшего заболевания российской науки. Эта дата войдёт в анналы российской истории, когда руководство страны, нарушив 290-летний период существования Российской Академии, вошло в Госдуму с проектом закона, в котором Академии была уготована судьба стать клубом по интересам, кроме того, разрушались две специализированных отраслевых академии сельского хозяйства и медицины.

Я прекрасно понимаю, что руководству страны приходится осуществлять непопулярные меры. Но чем вызван этот шаг? Трудно описать реакцию думающих людей! От Владивостока до Москвы и Санкт-Петербурга в эти месяцы происходили митинги, пикеты, собрания... И всё это происходило в “мёртвый” сезон – время отдыха и отпусков!

На улицу с плакатами выходили не молодые люди, стоявшие на Болотной площади, а умудрённые жизнью академики, доктора и кандидаты наук, сотрудники академических институтов. Руководство Академии, её ведущие учёные систематически встречались с Президентом РФ В. В. Путиным и каждый раз радостно сообщали, что их услышали, и правда вскоре восторжествует.

9 сентября 2013 года в Москве состоялось внеочередное общее собрание Академии наук, где было принято несколько резолюций, направленных против предложенного правительством закона. Из-за рубежа были направлены десятки и сотни обращений к Путину В. В., в том числе и Нобелевских лауреатов, с просьбой приостановить разрушение Академии. Накануне окончательного рассмотрения проекта закона правовое управление Администрации Президента направило в Госдуму поправки, из которых стало ясно, что все переговоры оказались пустыми.

18 сентября 2013 года закон был принят с поправками, в том числе и о том, что “клуба не будет”, но главное разногласие об имуществе Академии, судьбе её институтов остаётся прежним: постановлено передать его в ведение Правительства. Расформируются академии сельского хозяйства и медицины, а академия образования становится отраслевым подразделением.

Так закончилась борьба с отечественной наукой. **18 сентября 2013 года войдёт в историю страны как дата смерти Российской академии наук.** Печальный рассказ о судьбе нашей Академии хотелось бы закончить словами учёного, жившего в XVI веке, – Галилео Галилея: “Требовать, чтобы люди отказывались от собственных суждений... и назначать лиц, совершенно невежественных в науке или искусстве, судьями над людьми учёными – это новшества, которые способны довести до гибели и разрушить государство”.

В заключение рассказа о судьбе академической науки я хотел бы привести слова лауреата Нобелевской премии академика Ж. И. Алфёрова, непримиримого противника подобной “модернизации” Академии наук. Свою речь он закончил стихами, написанными сотрудником Академии наук А. Городницким:

*...Нам сдаваться не пристало,
Эта участь не для нас:
Стать Московией отсталой,
Продавая нефть и газ.
Не простят нам наши внуки
Замолчания вины:
Если нет в стране науки,
Значит, нету и страны!*

Ещё несколько слов о Российской академии наук. Я уже говорил, что одной из причин “реформирования” РАН является большая материальная собственность, принадлежавшая Академии ещё в Советском Союзе. По всей вероятности, надо сделать ещё один виток приватизации, так как появились новые люди, которые “опоздали” к делению чубайсовского пирога.

Для того чтобы успокоить научную общественность, было заявлено, что на несколько лет правительственным органом, распоряжающимся собственностью Академии, будет руководить нынешний Президент РАН. Обществу говорили, что он будет связующим звеном науки и правительственной структуры управления материальной собственностью. Не успели стихнуть страсти в научном мире, как во главе этого органа был поставлен финансист, не имеющий никакого отношения к науке.

Острословы подобному положению дали очень резонансное определение: “Роснаукасервис”. А ведь они недалеко от истины!

Особенно пострадала в годы радикальных реформ отраслевая наука. В советское время она создавалась десятилетиями в зависимости от структуры народного хозяйства. Как правило, институты и другие научные учреждения создавались для определённой отрасли: были институты для разработки профильной продукции, технологические, проектные и другие научные учреждения.

В настоящее время практически разрушена отраслевая структура народного хозяйства. Это, естественно, не могло не сказаться на научном потенциале. И в то же время отраслевая наука и сегодня является главной опорой всех прикладных исследований.

Надо полагать, что будет происходить дальнейшее сокращение этого сектора науки. Была надежда, что создаваемые “госкорпорации” объединят не

только взаимозависимые производства, но и будут развивать соответствующую отраслевую науку. Но последние веяния по их акционированию приводят к тому, что эти акционерные общества со 100-процентным государственным капиталом в ближайшее время будут распроданы частным владельцам, которым отраслевая наука окажется не нужна. У них другие цели. Об этом можно судить по реформированию энергетики страны.

С учётом этого обстоятельства возрождение отраслевой науки в новой её форме будет возможно только при изменении структуры экономики.

В результате рыночных реформ в самом тяжёлом положении оказались отраслевые институты ВПК, которые выполняли госзаказы и всецело зависели от бюджетного финансирования. И так, только в 1990-х годах объём работ научных организаций ВПК уменьшился в 12 раз. Появляющиеся немногочисленные образцы военной техники, как правило, представляют собой разработки советской науки. Создается эффект “погасшей звезды”: звезды давно уже нет, а свет её ещё льётся на Землю.

Отставание в области ВПК от главного нашего соперника США можно проиллюстрировать следующими цифрами.

В настоящее время доля оружейного рынка США составляет 75% от мировых продаж. В советское время СССР занимал первое место, США – второе. Этими странами продавалось более двух третей оружия. Кстати, на втором Съезде народных депутатов в 1989 году правительство СССР было подвергнуто жёсткой критике определёнными политическими деятелями, да и представителями науки. Они обвиняли правительство СССР в том, что, продавая оружие, оно является основным виновником нестабильности во многих странах Азии, Африки и т. д. Что-то сейчас не слышно их критики в адрес США!..

Положение в ВПК Соединённых Штатов Америки можно охарактеризовать тем, что оборонные расходы Пентагона равны оборонным расходам стран всего остального мира, вместе взятым.

Справедливости ради надо сказать, что в последние годы положение в военно-промышленном комплексе существенно образом изменилось. После ухода непопулярного и неквалифицированного министра обороны Сердюкова с его женской командой, а также прихода в ВПК квалифицированных и патриотически настроенных руководителей положение наше стало меняться к лучшему. Я убеждён, что, грамотно используя оставшееся советское наследие, важнейший и крайне необходимый для обороны нашей страны военно-промышленный комплекс можно возродить из пепла.

Говоря о российской экономической науке, следует отметить, что здесь за последние 20 лет создалось особое положение. Если говорить о большой экономической науке, то её условно можно поделить на две части. К нынешней школе экономистов следует отнести академическую науку. Здесь сосредоточены основные силы экономистов-академиков.

Следует отметить, что большинство из них, ныне здравствующих, а также ушедших в мир иной, в 1980-х годах при разработке концепции экономических реформ перехода к рыночным отношениям занимали довольно радикальные позиции.

Двадцать лет проведения этих экономических реформ и их плачевные результаты внесли коррективы в их позиции. Они стали более близкими к позиции Правительства в годы перехода к рыночным отношениям с необходимым государственным регулированием и социальной направленностью. Их нынешняя позиция вызвала обратную острую реакцию некоторой части экономистов – чистых рыночников-либералов. Самая мягкая критика известных учёных выражается формулой “архаичная плановая психология”. В чём их только не обвиняют, и, прежде всего, в том, что они стремятся восстановить плановую систему, регулирование цен и доходов населения. То есть их обвиняют в призыве прямого государственного вмешательства в экономику вплоть до возрождения Госплана. Критиков этой уважаемой группы учёных даже не оттаивают экономический мировой кризис 2008 года, они замалчивают и кризис 2012–2013 годов. Весь мир “полевел” – пришёл к выводу, что необходимо в определённой степени государственное вмешательство в рыночную стихию, а они остались на своей провалившейся монетаристской позиции.

Выразителями этих радикальных “твердолобых” позиций являются учёные, сгруппировавшиеся вокруг Высшей школы экономики (ВШЭ) и Академии управления при правительстве РФ. К сожалению, они принимают активное участие в разработке концепции развития экономики нашей страны на долго-

срочную перспективу. Трагедия заключается в том, что авторы этих концепций не понесут никакой ответственности за свои действия, как это было с программой “500 дней”.

В мире систематически происходят существенные изменения. Жизнь мирового сообщества диктует необходимость изменять политику применения науки. С учётом этого строится и политика государства. Рынок товаров уступает место конкуренции научных идей и технологий, на первый план выходит интеллектуальная собственность. Фундаментальные исследования и прорывные технологии вытесняют прежние технологии.

Как относится к этому руководство стран, думающих о будущем своего народа, можно судить по позиции президента США Барака Обамы. Выступая в 2009 году на ежегодном собрании Национальной академии наук США, он сказал: “Вызовы, которые встают перед нами сегодня, безусловно, сложнее, чем всё, с чем нам приходилось сталкиваться раньше. В такой трудный момент находятся те, кто говорит, что мы не можем позволить себе инвестировать в науку, что поддержка исследований – это что-то вроде роскоши в то время, когда приходится ограничивать себя лишь самым необходимым. Я категорически не согласен с этим. Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни”.

В своём обращении он был вынужден сказать, что Соединённые Штаты Америки до сих пор ехали на запасе фундаментальных открытий полувековой давности. Теперь надо добиться нового продвижения в фундаментальных знаниях, при этом перспективные открытия будут питать успехи государства в течение следующих пятидесяти лет. Для лидерства страны в науке и образовании будет выделяться более 3% ВВП.

“Фундаментальные исследования – это научный капитал”, – сказал в заключение президент США. Подобное должно было произойти и у нас в стране. Двадцать лет после разрушения СССР и основ жизни государства, в том числе и потерь в науке, патриоты требовали принять политическое решение по этому вопросу. К сожалению, этого не произошло. Я проанализировал послание Президента страны Парламенту от 22 декабря 2012 года. Там нет позиции руководства страны в вопросе развития науки. Более того, через несколько месяцев после оглашения этого Послания министр образования и науки заявил, что наука в рамках РАН бесперспективна и архаична. Всё это оскорбило многочисленный коллектив РАН и членов других госакадемий. В знак протеста лауреат Нобелевской премии Ж. И. Алфёров демонстративно покинул пост руководителя общественного совета по науке министерства. Такое отношение министра, ответственного за науку в стране, вызвало шквал негодования. Посыпались требования об отставке этого министра.

Но всё изменилось, как я уже писал, 28 июня 2013 года, когда Правительство страны внесло в Госдуму проект закона. Он вызвал шок как в научной среде, так и у думающих людей. Как ни странно, но до сих пор неизвестны авторы этих предложений. Безусловно, эти предложения должны были обсуждаться в стране. А произошло всё наоборот: Кремль потребовал, а Государственная Дума беспрекословно согласилась рассмотреть этот закон в ускоренном порядке.

В нарушение всяких норм и правил, закон был продавлен в Думе в течение одной недели. Единственное “послабление” – дали возможность рассмотреть проект закона в 3-м чтении осенью 2013 года.

* * *

Я люблю историю, и поэтому на отдельных примерах событий тысячелетней истории России хотел бы подчеркнуть, что образованию, просвещению и развитию науки в нашей стране предыдущие поколения всегда уделяли особое внимание, ибо страна не может развиваться без этих составляющих её жизни. И сейчас, даже особенно сейчас эти составляющие развития государства являются неременным содержанием его прогресса.

Говоря о роли и месте образования и науки в национальной идее России, следует сделать вывод, что необходимо постоянно их развивать, причём их реформирование должно проводиться взвешенно, с сохранением всего того положительного, что нам досталось от прошлых веков, с дополнением их прогрессивными изменениями, которые диктует современная жизнь.